

Агенты КГБ не убивали барда

Рассекреченная командировка

Леонид КОЛОСОВ

Париж невозможно не любить. Это я понял сразу же, как только оказался в неповторимом городе.

Железнодорожный билет первого класса в прямой вагон Москва — Рим был уже приобретен, когда меня вдруг вызвали к главному редактору «Известий» Льву Николаевичу Толкунову. Он, естественно, знал, что я работаю еще и на нашу внешнюю разведку, и относился к этой моей «двойной» жизни с пониманием и уважением...

В его кабинете между нами произошел короткий диалог.

— Леонид Сергеевич, ты очень любишь ездить поездом?

— Да нет... В принципе не очень. Лучше самолетом.

— Вот я тоже так думаю. Поэтому дано указание срочно заказать тебе билет на самолет Москва — Париж — Рим.

— А почему через Париж?

— У меня к тебе небольшая просьба, вернее, поручение. В Париже у нас собор Лев Володин. Ты передашь ему пакет от меня. Просьба не вскрывать. Понятно?

— Понятно.

— Ну, тогда с богом, вернее, с коммунистическим приветом...
Главный встал из-за своего необъятного стола и подошел ко мне попрощаться. И тут меня обуяло необыкновенное нахальство.

— Лев Николаевич! А можно мне задержаться на недельку в Париже?

— Зачем?

— Я никогда не был в этом городе и всю жизнь мечтал в нем побывать.

— Ну, аллах с тобой, Леонид. Даю тебе семь дней. А «контора» твоя возвращать не будет?

— Что вы, Лев Николаевич! Конечно, нет. Им моя командировка в Париж тоже вот как нужна!

Я нагло врал. Никто в моем отделе таких пожеланий не высказывал.

Своему кагэбэшному начальнику я врал тоже, утверждая, что товарищ Толкунов попросил меня на неделю задержаться в Париже, чтобы помочь нашему корреспонденту Льву Володину в подыскании нового помещения для корпункта и еще зачем-то.

Ф призадумался, после чего мне поручили выяснить, что за люди работают в новой антисоветской организации под названием «Международная литературная ассоциация», сокращенно МЛА. На эту «операцию» мне предлагалось пригласить Льву Володина, хоть он и не был человеком КГБ.

Лева Володин встретил меня с радостной улыбкой.

— Какие будут распоряжения? — гостеприимно поинтересовался он. — Может, заедем полюбоваться на Эйфелеву башню, Триумфальную арку и Елисейские поля, если это по пути?

— Эйфелева башня? Да ты свихнулся что ли, старина? Все это успеем потом. Знаешь, что делал восточный мудрец и весельчак Ходжа Насреддин, прежде чем остановиться в том или ином городе?

— Знаю. Сначала он ехал на базар, чтобы убедиться в изобилии и разнообразии продуктов, потом посетил местное кладбище, дабы посмотреть, уважают ли горожане память предков своих. И если все было в порядке, Насреддин осчастливил своим пребыванием городишко сие...

Мы сели в «Пежо-403», который был кое-где помят и оцарапан. Быстро домчались до корпункта, привели себя в порядок. Лева вскрыл и прочитал послание Льва Николаевича. «Ничего особенного», — сказал он мне. — Скоро в Париж приедут его хорошие знакомые. Вот он мне и распланировал всю программу их пребывания... А теперь помчались в «Мулан Руж».

Мы славно посидели в этом кабаре. Все было эстетично, несмотря на обнаженные груди и почти не прикрытые попки молодых, удивительно изящных и каких-то загадочных французенок. И стриптизерки были эстетически соблазнительными. И песенок парижских грустных, веселых, но всегда мелодичных мы наслались предостаточно. А потом двое собственных корреспондентов правительственной газеты «Известия» изрядно надрались.

Пробуждение было тяжелым. Но следующую адресом согласно списку Насреддина было кладбище...

Не знаю, догадывался ли Лева о моем «двойном дне». Он меня об этом не спрашивал, а я ему ни на что не намекал. Но в «Известиях» я появился неожиданно-негаданно, и ребята из иностранного отдела, в том числе и Лев Володин, относились ко мне сначала несколько настороженно. Смущало их только то, что я любил выпить, без боязни рассказывал антисоветские анекдоты, был кандидатом экономических на-

ук, свободно владел редким тогда итальянским языком, а оказавшись в Риме корреспондентом, чуть ли не каждый день печатался в родной газете не по блату. Впрочем, такая она страна Италия — темообильная...

Напомню, что тогда шла «холодная» война. Это сейчас напротив моего дома находится московское отделение радиостанции «Свобода», и я к ним заходил не так давно вместе с шефом Бюро по связям с общественностью и средствам массовой информации нынешней Службы внешней разведки России генералом Юрием Кобаладзе на предмет дружеской беседы за «круглым столом» о том, что такое шпионаж в современном мире. Что поделаешь! Тогда мы строили развитой «социализм», как произносил это слово Никита Хрущев, а те-

перь свободную «аканомнику, понимаешь»...

Так что излагаю я наш совместный с Володиным визит в стиле второй половины шестидесятых годов, когда не стеснялись в выражениях чувств.

В тот день с утра опять лил дождь, парижские тротуары покрылись лужами. А мы все ехали и ехали в упорной веренице автомашин. Лева, привыкший к такому движению, с полным безразличием, автоматически включал и выключал передачи коробок скоростей, чадил сигаретой. Минут через сорок он наконец свернул в проулок, сделал еще пару поворотов и остановил «Пежо».

— Прошу, мон шер. Видишь дом 8 «Бис»? На той стороне. Пошли.

Мы вышли и направились в штаб-квартиру одного из отделений так называемой Международной литературной ассоциации.

Полутемный вестибюль, лестницы, переходы, лифт. В сумрачном, без окон, пространстве грязно-бурых отсеков каким-то седьмым чувством определяем нужную дверь — ни номера, ни таблички, указывающей имя квартироустроителя. Звоним. На пороге расплывшая женщина неопределенного возраста.

— Можно ли повидать Аниту Рутченко? — спрашиваем по-русски. — Мы — советские журналисты. Представляем газету «Известия».

— Да, да, господа, но вы... впрочем... проходите... Посидите здесь, в коридоре.

Анита Рутченко приняла нас вскоре.

— Наша организация — не коммерческая, господа. Мы — как клуб книголюбов, библиофилов. Занимаемся обменом. Мы не имеем права торговать литературой... — шепчет Анита, раскладывая на століке английские книжки, брошюры. — Есть, конечно, и на русском...

В Мюнхене под крышей радиостанции «Свобода» и «Свободная Европа» (РС-РСЕ) Центральное разведывательное управление США организовало так называемый «отдел специальных проектов». Но его подрывной характер был раскрыт в печати мною, и тогда-то возникла «Международная литературная ассоциация» (МЛА).

Анита Рутченко и ее муж Николай как раз и были парижскими проводниками в жизнь этой «книжной программы», которой руководили из США, точнее — из ЦРУ. В одном из тогдашних отчетов сообщалось, что «парижский филиал МЛА старается обрабатывать почти каждую советскую делегацию, прибывающую во Францию». И дальше: «Большая часть русских книг — это выдающиеся произведения литературно- или религиозно-философского толка, высылаемые эмигрантской интеллигенцией друзьям и коллегам в Советском Союзе».

А вот и сам хозяин. Словоохотлив. В ту пору ему уже было 63 года. Уроженец Кишинева, в 1930 году он переехал в Ленинград. Жил на Кировском проспекте. В 1935 году поступил в Ленинградский государственный университет, однако вскоре был отчислен как неуспевающий. Пристроился работать в библиотеку. В августе

1941 года сдался в плен фашистам. Его сделали подсадным осведомителем в лагере советских военнопленных под Гатчиной. Проявил преданность гитлеровцам, за что был зачислен в разведшколу. Предавал и расстреливал своих товарищей, забрасывался в тылы Советской Армии, использовался для допросов и расстрелов советских военнопленных, партизан и подпольщиков.

Затем Рутченко направляют в Берлин, где он приступает к подготовке диверсионно-террористических групп для заброски их в среднеазиатские республики СССР.

А после краха гитлеровской Германии г-н Рутченко вступил в контакт со спецслужбами США. Ему доверяют, ему платят деньги. Он сумел убедить свое начальство, что вполне может работать на ниве журналистики.

— Ангелина Николаевна, приношу вам искренние соболезнования в связи с несчастьем. Я очень любил стихи вашего покойного супруга... Как это произошло?

— Саша, простуженный и уставший, вернулся в Париж утром 15 декабря из Авинона с фестиваля бардовской песни. — Вдова заплакала. Потом вытерла глаза и после паузы продолжила. — Но все же зашел на работу на «Свободу» и даже записал там свою новую песню «За чужую печаль». Потом забежал в магазин и купил антенну для нового радиоприемника, который ему кто-то подарил... Поднялся в нашу квартиру на улице Гюго. Я ждала его. «У нас есть что-нибудь выпить, крошка?» — спросил он меня, раздвываясь. — Надо обмыть антенну, которую я только что приобрел». Выпивка у нас была, а вот поест — не очень. «Сейчас сбегаю в наш магазин, Саша, и куплю что-нибудь», — сказала я и спустилась на улицу. Вернулась минут через пятнадцать. Саша лежал на полу с зажатой в руках антенной. Он был мертв... Сбежались соседи. И помню, один из них

сказал, что провод от антенны торчал почему-то не из радиоприемника, а из розетки. Мертвый Саша упирался ногами в батарею. Такое было впечатление, что он будто нарочно замкнул себя.

— А вот некоторые газеты намекают, что вашего мужа убили по политическим мотивам или «агенты из Москвы», или спецслужбы другого государства. И что вы об этом тоже об этом говорили...

— Это сущий бред. Мне постарались внушить мысль, что смерть Саши — чистое самоубийство...

— Да, странно все это. Я слышал, как «Глос Америки» сообщал о том, что смерть Галича наступила от «неправильно включенной антенны телевизора», а вот французское радио сообщало, что «...труп Галича лежал на полу с обгорелой рукой. Рядом с ним находился магнитофон, который Галич недавно получил от кого-то...»

— Я цитировал сообщения, записанные мною в блокноте, который лежал передо мной. — Вам не кажется это странным, Ангелина Николаевна?

— Кажется. Но это все вранье. Это был новый мощный радиоприемник, который он получил, я теперь припоминаю, от кого-то из Америки... А насчет «агентов Москвы»? Саша любил Россию и собирался возвращаться. «Приползу на коленах даже по осколкам выпитых мною бутылок. Поклонюсь церквям и попрошу прощения»... Так он сказал мне однажды...

— А что вы скажете, Виктор, о такой трагической и загадочной смерти вашего друга?

— Что могу сказать? Не знаю, правда... (от Некрасова сильно несло водочным перегаром). Несколько дней как Саши нет... Срок маленький и срок большой. Вот собрались тут друзья Галича, которых в Париже оказалось довольно много, на паникиду в церкви на улице Дарю, православной церкви, той самой, о которой мы знали, что там отпевали и служили панихиды по белогвардейским генералам. Саша верующий был. Я — нет. Но когда я стоял в церкви, слушал молитву, как-то вспомнились те почти сорок лет, даже больше, нашей дружбы с Сашей. Познакомились мы, когда нам не было и по двадцать лет, мы были молоды, все впереди, мечтали о театральной карьере. А жизнь показала совсем другое. Ни Мочаловым, ни Качаловыми Саша не стал. Он стал известным драматургом, не более... Я воевал, потом стал писателем. И вдруг оказалось, что Саша — замечательный поэт. Большой поэт. Очень большой поэт. И когда иногда говорю: «Песенки, песенки... Барды, что это? Разве литература?», — я могу сказать прямо — что нет того стана, нет той шахты, нет того траулера, нет той геологической партии и нет той тюрьмы, того лагеря, где не знали бы и не любили бы Сашу Галича. Может быть, не все знали, что это Галич, но его песни, его стихи знают и любят весь народ. Я не знаю другого поэта, который бы дошел своей песней до самого глухого уголка нашей многострадальной Родины.

Потом Ангелина Николаевна, которая продолжала плакать, вытерла слезы и встала из-за стола.

— Господа, вы меня извините, но мне надо ехать. А вы, Леонид, если будете писать о Сахе, скажите, что он очень хотел вернуться. И вот вам на память одно из его стихотворений. По-моему, оно нигде не печаталось.

Она дала мне сложный вчетверо листок, на котором я потом, в гостинице, прочитал эти вот строки: *Созидающий башню сорвется, Будет страшен стремительный лет, И на дне мирового колодца Он бездумье свое проклянет...*

Разрушающий будет раздавлен, Опрокинут обломками плит, И Всевидящий Богом оставлен, Он о муже своей возопит.

Не спасешься от доли кровавой, Что земным предназначила твердь. Но молчи: несравненное право — Самому выбирать свою смерть...

Мы остались втроем в кафе. Я заказал «Смирновской» и по «Шатобриану», то есть по огромной вырезке, которую так любят французы. И русские тоже...

Выпили, закусили... Черной икрой, между прочим... Жалко ли казенных денег? Некрасов все время внимательно смотрел на меня. После третьей рюмки решили перейти на «ты».

— Вита, ты не помнишь меня?

— Нет, Леонид, не припоминаю... Хотя что-то знакомое в тебе просматривается. Пьешь хорошо, залпом, и корочку нюхает, как истинный россиянин.

— Так вот, Виктор, в далеком 1950 году студенческий театр в Институте внешней торговли ставил твою пьесу «Опасный путь», а я, грешный, играл главную роль фронтовика...

— ...Твою мать! Не может быть... И в «Окопах Сталинграда» читал?

— Читал. И могу сказать, что писатель ты классный. И Россия ждет тебя. Возвращайся... Кстати, представители «компетентных органов» гарантируют свободу, равенство и братство. Серьезно, я не шушу. Тебе вернут все боевые ордена, звания и признание народа...

— А где эти гарантии, где?! — Виктор стал катастрофически пьнуть. — Ты, Леня, мне можешь это чем-то подтвердить?

— Могу. Но у меня нет ничего, кроме моего честного слова...

— Этого достаточно. Ты правильный парень, тебе можно верить, ты не прольешь, как другие твои собраты по перу. Все! Решено... Я возвращаюсь! Помоги мне...

— Леонид Сергеевич, — вмешался в наш диалог молчаливый до того Шувалов. — Предложение очень серьезное. Мы обсудим его вместе с Виктором, ведь он мой хороший друг. Вот вам мой телефон. Позвоните... дня через три и мы с вами еще раз встретимся. А сейчас мы пойдем. До свидания.

Они ушли, пошатываясь. Чтобы досказать историю, закончу ее. Через три дня я позвонил Алексею Михайловичу Шувалову. «Леонид, — грустно сказал он мне, — Некрасов заил. Он практически не встает с дивана и не помнит даже, как его зовут. Но предложение остается в силе. Я свяжусь с кем надо, когда он придет в себя и примет какое-либо решение. А вы занимайтесь своими делами... До свидания, и спасибо за все...»

Я занялся своими делами, но все же хочу закончить и историю с Александром Галичем. Перед самым отъездом из Парижа я еще раз побывал на русском кладбище. Посидел у свежей могилы. У меня даже снимок остался. Щелкнул из моего фотоаппарата случайный прохожий. А потом ко мне подошли две старенькие женщины из старых, так сказать, галичан и поведали мне о том, что Галича и после смерти не оставляют в покое неприятности. Говорила одна, высокая, в черном платье, которая назвалась Верой.

— Вы, вероятно, слышали, что Галич незадолго до своей кончины принял православие. Да, да, крестился. А когда умер, то долго искали место для него на кладбище. Земля здесь стоит безумно дорого. Недавно скончался один генерал, из бывших наших друзей, и его похоронили в могилу денщика, который ушел из жизни раньше. Смерть-то с чинами не считается. Да... С трудом отыскали местечко и для Галича — наследникам-то он оставил долги — заброшенную могилку бывшей фрейлины, одинокой старушки. А когда похоронили его, начался большой шум в эмигрантских кругах. Зачем, мол, иудея положили на прах православной? А какой же он иудей, раз крестился? Смерть-то всех приравнивает...

Старушки медленно пошли по аллее с традиционным обходом знакомых православных и сиятельств. Друзья, враги? Могут ли мертвые быть врагами? Конечно, нет...

Последний провожающий

Как я опоздал на свидание к Галичу

Вег. Москва. — 1998. — 15 сент. — С. 3

На могиле Александра Галича, похороненного на русском кладбище Сент-Женевьев де Буа под Парижем

И вот он перед нами — шарфюрер Николай Рутченко...

— Пишу на экономические темы... Но книжки большого дохода не дают.

— Говорят, недавно в Париже состоялась своего рода сходка эмигрантов с надеждой объединиться, чтобы жить в мире и дружбе. Хотя сохраняются противоречия. Верно это?

— Да, да, господа, но вы... впрочем... проходите... Посидите здесь, в коридоре.

Анита Рутченко приняла нас вскоре.

— Наша организация — не коммерческая, господа. Мы — как клуб книголюбов, библиофилов. Занимаемся обменом. Мы не имеем права торговать литературой... — шепчет Анита, раскладывая на століке английские книжки, брошюры. — Есть, конечно, и на русском...

В Мюнхене под крышей радиостанции «Свобода» и «Свободная Европа» (РС-РСЕ) Центральное разведывательное управление США организовало так называемый «отдел специальных проектов». Но его подрывной характер был раскрыт в печати мною, и тогда-то возникла «Международная литературная ассоциация» (МЛА).

Анита Рутченко и ее муж Николай как раз и были парижскими проводниками в жизнь этой «книжной программы», которой руководили из США, точнее — из ЦРУ. В одном из тогдашних отчетов сообщалось, что «парижский филиал МЛА старается обрабатывать почти каждую советскую делегацию, прибывающую во Францию». И дальше: «Большая часть русских книг — это выдающиеся произведения литературно- или религиозно-философского толка, высылаемые эмигрантской интеллигенцией друзьям и коллегам в Советском Союзе».

А вот и сам хозяин. Словоохотлив. В ту пору ему уже было 63 года. Уроженец Кишинева, в 1930 году он переехал в Ленинград. Жил на Кировском проспекте. В 1935 году поступил в Ленинградский государственный университет, однако вскоре был отчислен как неуспевающий. Пристроился работать в библиотеку. В августе

1941 года сдался в плен фашистам. Его сделали подсадным осведомителем в лагере советских военнопленных под Гатчиной. Проявил преданность гитлеровцам, за что был зачислен в разведшколу. Предавал и расстреливал своих товарищей, забрасывался в тылы Советской Армии, использовался для допросов и расстрелов советских военнопленных, партизан и подпольщиков.

Затем Рутченко направляют в Берлин, где он приступает к подготовке диверсионно-террористических групп для заброски их в среднеазиатские республики СССР.

А после краха гитлеровской Германии г-н Рутченко вступил в контакт со спецслужбами США. Ему доверяют, ему платят деньги. Он сумел убедить свое начальство, что вполне может работать на ниве журналистики.

— То есть как погиб?

— Согласно одной из версий — от неправильно включенной антенны телевизора. А вот его жена утверждает, что его убили агенты КГБ...

— Какой бред! Да ведь я должен был...

— Мы знаем. Поэтому первое, что вы сделаете, это возьмете интервью у его жены, Ангелины Николаевны. Мы уже подготовили почту для этого... Сейчас мы поедем в гостиницу, где вам заказан номер.

Я любил стихи и песни Галича. Нет, это я говорю не сегодня, когда стало модным почитать бывших антисоветчиков. Да он и не был для меня антисоветчиком. Его просто очень обидели и не удержали в России.

В посольстве мне дал инструкции резидент.

— На завтра мы подготовили вашу встречу с вдовой Галича. Вместе с ней будет Виктор Некрасов. Встреча состоится на площади Бастилии в кафе «У Знамени». Ангелина Николаевна и Некрасов придут в сопровождении русского эмигранта, который дружит с нами. Все трое знают, что с ними будет беседовать специальный корреспондент «Известий» Леонид Колосов. Можете провести с ними откровенную беседу.

На другой день утром я был на площади Бастилии.

В кафе было немногочисленно. Заплатанная женщина в черном, очень постаревший Виктор Некрасов и седой, но потерявший стройности сородельский старик, представившийся потом Алексеем Михайловичем Шуваловым, сидели за столиком, ожидая меня.

Идея моя была одобрена «на самом верху», то есть председателем КГБ Юрием Владимировичем Андроповым.

«Особо просим вас, Леонид Сергее-

Ария Леоида КОЛОСОВА